

УДК 316.74:94

МЕМЕТИКА КАК НОВАЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУКА И НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматривается процесс формирования новой междисциплинарной науки – меметики, объектом исследования которой являются исторические, культурные, политические, социальные, экономические и иные типы мемов. Анализируются взаимоотношения меметики с социальной наукой. Обосновывается вывод о том, что меметика становится тем направлением социальной семиотики, которое связывает ее с различными видами семиотических исследований (биосемиотикой, киберсемиотикой, политической семиотикой, семиотикой культуры, экономической семиотикой и др.).

Ключевые слова: мем; меметика; социальная наука; классификация мемов; социальная семиотика.

MEMETICS AS THE NEW INTERDISCIPLINARY SCIENCE AND THE BRANCH OF SOCIAL SEMIOTICS

V. K. SHCHERBIN^a

^aCenter for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademičnaja Street, Minsk 220072, Belarus

The process of formation of a new interdisciplinary science – memetics, which studies historical, cultural, political, social, economic and other types of memes is considered in the article. The interconnections between memetics and social semiotics are analyzed. The conclusion is substantiated that memetics is becoming the branch of social semiotics which relates to different branches of semiotic research (biosemiotics, cybersemiotics, political semiotics, semiotics of culture, economic semiotics, etc.).

Keywords: mem; memetics; social science; classification of memes; social semiotics.

По мнению С. Н. Зенкина, переводчика на русский язык книги М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти» (1925), «основная мысль книги в том, что память – не чисто индивидуальный процесс хранения и обработки полученных впечатлений, на самом деле ее деятельность определяется обществом» [1, с. 9], т. е. память является очень широким и разнообразным общественным феноменом. Сегодня во многих научных дисциплинах и сферах

деятельности выделяются свои специфические виды памяти (в психологии – *иконическая, кратковременная и долговременная память*; в информатике – *видеопамять, виртуальная, динамическая память, кэш-память, оперативная, разделяемая, сетевая память* и др.; в культурологии – *культурная память*; в социологии, политологии и социальной философии – *живая, индивидуальная, коллективная, социальная память*; в филологии – *ассоциативная,*

Образец цитирования:

Щербин ВК. Меметика как новая междисциплинарная наука и направление социальной семиотики. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019;4:40–47.

For citation:

Shcherbin VK. Memetics as the new interdisciplinary science and the branch of social semiotics. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2019;4:40–47. Russian.

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; заведующий сектором исследований макроэкономических рисков.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); head of the sector of macroeconomic risks research.
slavalex@mail.ru

словесная память, описываемая в ассоциативных, толковых и прочих словарях; в истории – *историческая память*; в правоведении – *юридическая память* [1, с. 19]) и т. д. В странах Запада такие полидисциплинарные и многоотраслевые исследования феномена памяти обозначаются обобщающим термином *memory studies*.

Отмеченный выше общий для самых разных научных дисциплин и отраслей знаний интерес к феномену памяти является отнюдь не случайным, ибо именно память лежит в основе сохранения и передачи накопленных знаний следующим поколениям исследователей. Причем сам механизм сохранения и передачи научных знаний существенно отличается в разных дисциплинах. В естественных науках его основой выступают лабораторные исследования и эксперименты, в точных науках – математическое моделирование, в гуманитарных и социальных науках – текстовые источники. Однако общим (и ключевым!) способом накопления и передачи новейших знаний для всех научных дисциплин является печать и иные связанные с научным языком способы записи и фиксации информации (устный дискурс, эпистолярный жанр, сетевой дискурс, мультимедиа и пр.).

Как свидетельствует французский социолог Бруно Латур, «до появления печати все возможные интеллектуальные приемы – организованный скептицизм, научный метод, опровержение, сбор данных, создание теорий – уже были опробованы, причем в каждой из дисциплин: географии, космологии, медицине, динамике, политике, экономике и т. д. Но каждое достижение оставалось локальным и временным, потому что не было способа переместить эти результаты куда-нибудь еще и включить в них другие результаты без последующих искажений и ошибок. В эпоху рукописей в каждой тщательно исправленной версии работы автора после нескольких копий снова появлялись ошибки. Нельзя было получить устойчивый доход, поэтому невозможна была крупномасштабная долговременная капитализация. Печатный станок не добавляет ничего к разуму, научному методу, мозгу. Он просто все сохраняет и распространяет, вне зависимости от того, насколько это неправильно, странно или дико. Он делает все мобильным, но эта мобильность не умножает ошибки в тексте. <...> Изобретается механизм необратимого захвата точности. Печать играет роль демона Максвелла. Не нужно никаких новых теорий, мировоззрений или духа для объяснения капитализма, Реформации и науки: они являются результатом нового шага в долгой истории неизменяемых мобильностей. <...> ...Революция Маклюэна произошла уже тогда, когда были напечатаны первые изображения. Инженерия, ботаника, архитектура, математика – ни одна из этих наук не может описать то, о чем она говорит, толь-

ко с помощью текста; им необходимо показывать вещи. Но эта демонстрация, такая существенная для убеждения, была совершенно невозможна до изобретения “гравированных изображений”. Текст мог быть скопирован с небольшими искажениями, но не так обстояло дело со схемами, анатомическими гравюрами или картами» [2, с. 114–115].

Изобретение «гравированных изображений» позволило визуализировать результаты научных исследований и дало определенные преимущества тем ученым, которые воспользовались этим при обработке полученных экспериментальных данных: «Тот, кто плохо визуализирует, проигрывает схватку: его факт не выстоит. <...> Это особенно верно, если явления, в которые нас просят верить, не видимы невооруженным глазом: квазары, хромосомы, пептиды мозга, лептоны, ВНП, классы, береговые линии даны только взгляду, “вооруженному” устройствами записи. <...> Важностью этого каскада записей можно пренебречь при изучении событий повседневной жизни, но ее нельзя переоценить при анализе науки и технологий» [2, с. 124–125]. К примеру, «технический чертеж не только создает на бумаге мир, которым можно манипулировать, как будто в трех измерениях. Он также создает для множества других записей общее место сбора; в чертеж могут быть вписаны пределы допуска, чертеж может быть использован для экономических вычислений, для определения задач, организации ремонтов или продаж. <...> В этом и состоит парадокс. Работая лишь с бумагой, над хрупкими записями, гораздо меньшими, нежели те вещи, из которых они были извлечены, можно господствовать над всеми вещами и всеми людьми. Незначительное для всех других культур становится самым важным, единственно важным аспектом реальности. Слабейший, лишь страстно манипулируя всевозможными записями, становится сильнейшим. Такой образ власти мы получаем, изучив тему визуализации и познания со всеми ее следствиями» [2, с. 139, 148].

Однако те знаковые средства визуализации, которые используются для изучения и отражения природы, считает О. Хархордин, автор предисловия к книге Б. Латура «Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества» (2013), не совсем пригодны для изучения общества: «Социология, например, опирается на опросы, анкеты, интервью, анализ статистики и документов. Казалось бы, почему не построить работающие черные ящики на основе таких методов сбора эмпирических данных? Но попытка сконструировать черный ящик на основании таких методов доступа к реальности проваливается. Потому мы и не имеем до сих пор, например, вакцины от коррупции. Дело в том, что пытаться людей, как пытаются природу, нельзя. Вернее, можно, но очень осторожно – лишь

задавая вопросы или ведя расспросы, не задевая или не нарушая интересов опрашиваемого или интервьюируемого. Слово “пытати” в древнерусском означало “спрашивать”, и мы не знаем, было ли связано это вопрошание с насилием или нет в те времена. В современном социологическом исследовании, однако, точно нельзя переходить от опросов или расспросов к допросу с пристрастием, который до сих пор практикуется в полиции некоторых стран. Только пытка или угроза пытки и истязаний превращает человеческое поведение в почти полностью предсказуемое. Черный ящик, который производит такое поведение, история знает – это концентрационный лагерь, ломающий прежние моральные установки и приводящий к смене личности. Потому, хотя техники опроса и расспросов находятся в опасной близости с техниками допроса, социология тем не менее не строит черный ящик, который будет жестко производить заданное или предсказанное поведение людей.

В самом конце книги Латур призывает не опусывать естественные науки методами традиционной социологии, тем самым игнорируя феноменологию и прагматику инженерной жизни. Но тогда должно быть верно и симметричное предложение: поняв, в чем заключается специфика жизни в мире естественных наук, надо прагматически и феноменологически рассмотреть и мир общество-веда, а не естество-пытателя, то есть не навязывать модели жизни ученых из естественных наук тем, кто живет по-другому» [3, с. 14–15].

В частности, к настоящему времени социальная наука выработала свои весьма специфические формы визуализации полученных ею научных результатов, коренным образом отличающиеся от знаковых средств, используемых в естественных, точных и технических науках. Если в последних доминирующими видами семиотических средств являются протоколы лабораторных испытаний, многочисленные математические, физические и химические формулы, компьютерные изображения цепочек ДНК, инженерные чертежи и схемы, географические карты и пр., то в рамках социологии (как и в других общественных науках) чаще используются текстовые формы описания полученных результатов: тексты опросов, анкет, интервью, сложных социальных нарративов и их не менее сложных интерпретаций, а также видеофильмы, интернет-дискурсы, интернет-мемы, концепты, сетевые блоги, слоганы и образы социальной рекламы, социальные визитки, фотографии и пр. Все перечисленные выше знаковые средства визуализации социальных данных изучает такое направление социологии, как социальная семиотика, в рамках которой сегодня выделяются еще более специализированные направления (приводятся в алфавитном порядке):

1) **визуальная социология.** К настоящему времени уже опубликованы не только научные статьи и монографии, но даже учебники по визуальной социологии [4]. Во вводной статье к указанному учебнику по визуальной социологии российский социолог Н. Е. Покровский весьма доходчиво объясняет, в чем заключается суть данного социологического направления: «С одной стороны, необычно само понятие визуальной социологии. Ведь оно сокрушает привычное представление о социологии как о словесной дисциплине, опирающейся на опросы, сбор статистических данных, описание и анализ на их основе общественных отношений и поведения людей. В своих теоретических построениях социология даже как бы и незряча, и невидима: она состоит из абстрактных и теоретических конструкций, объясняющих социальный мир. Но, с другой стороны, общественная жизнь и участвующие в ней люди – а именно человек общественный является предметом социологии – даны нам наглядно. Все вокруг, что делают люди, *зримо, видимо, представлено в образах*, а значит, доступно визуальной фиксации. И Петр Штомпка показывает и доказывает, что для познания социальной жизни поток зрительных образов зачастую может дать не меньше, чем поток слов, высказываний и суждений. А точнее, что социология должна не только слушать и записывать, но и видеть и отображать – и лишь в синтезе того и другого она познает свой предмет в целостности» [5, с. VII];

2) **герменевтическая социология.** По мнению российского философа Е. Н. Шульги, «социология, исходящая из герменевтики, не ищет источник социальных смыслов ни в индивидуальном сознании, ни в объективных, внешних по отношению к индивидууму идеях или сводах правил и норм – в центре ее интересов находится сфера intersubjectivity, лежащая вне оппозиции субъективизм – объективизм. При таком понимании смысл предстает как результат процесса интерактивной интерпретации, осуществляемой участниками диалога. Тем самым социальный смысл не может оставаться субъективным, так как его статус зависит от диалогового согласования. Но он также не является и объективным (социальным) смыслом, поскольку не существует независимо от участников диалога и вне объединяющего их отношения взаимопонимания» [6, с. 346];

3) **интерпретативная социология.** По мнению российского философа и социолога Д. Г. Подвойского, данное социологическое направление объединяет «ряд социологических теорий, в рамках которых основной задачей считается изучение “смысловой нагруженности” социальной жизни и образующего ее структуры человеческого поведения. При таком подходе ученый выступает в качестве “интерпретатора” (истолкователя) субъек-

тивных значений и смыслов, которые индивиды приписывают тем или иным фрагментам социальной реальности. <...> Принципы И. с. (интерпретативной социологии. – В. Ш.) используются в качестве базовых концептуальных предпосылок методологии качественных исследований [кейс-стади (case-study), анализ личных документов, нарративный анализ, биографический метод]» [7, с. 455]. Приведенное выше самое общее определение интерпретативной социологии конкретизируется и детализируется в книге немецкого социолога Хайнца Абельса «Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию» (в русском переводе вышла в 2000 г.). В частности, в качестве исторических этапов развития интерпретативной социологии им рассматриваются следующие социологические теории: символический интеракционизм Дж. Мида, символический интеракционизм Г. Блумера, феноменологическая социология А. Шюца, концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, техники презентации И. Гофмана [8];

4) **критический дискурс-анализ**. В кратком глоссарии по социальной семиотике, составленном российским филологом М. В. Гавриловой, под критическим дискурс-анализом понимается «тип междисциплинарных аналитических исследований дискурса, который изучает способы, с помощью которых социальная власть осуществляет свое господство в обществе. Анализ призван объяснить, как посредством текста и речи социальное неравенство предписывается, воспроизводится и как ему оказывается сопротивление в социальном и политическом контексте. Материалом критических исследований являются тексты, которые продуцируются в решающие моменты коммуникации, т. е. когда участники находятся в ситуации социального риска и испытывают неудобство от последствий дискурсивного неравенства» [9, с. 409]. Приведенное выше определение критического дискурс-анализа можно дополнить словами известного российского политолога М. В. Ильина о том, что «каждый политический “мир” живет и создается своим биоинтеллектуальным моделированием, своим дискурсом. А раз так... никакой политический институт или процесс нельзя в смысловом отношении “измерить” без анализа дискурса, без использования инструментария семиотики» [10, с. 19];

5) **социологическая концептология**. Проведенный нами ранее анализ проблематики социологической концептологии позволил выявить три ключевые проблемы, на решении которых должны быть сосредоточены усилия представителей данного направления: «...совершенствование понятийного аппарата социологии; концептуализация, категоризация и стигматизация социальных знаний; формирование национального видения со-

циальной картины мира. <...> Изучение практики использования концептов в социологических и политологических исследованиях отечественных ученых дает нам основания достаточно оптимистично оценивать перспективы развития социологической концептологии в постсоветских государствах. Особенно если представителями данного новейшего социологического направления будет своевременно осознана жизненная необходимость в скорейшем решении двух достаточно непростых задач: 1) проведение широкомасштабных описаний понятийно-терминологического фонда социологии (на материале научных текстов социологического характера); 2) составление социологических словарей новых типов (понятийных тезаурусов, словарей концептов, концептуальных глоссариев, классификаторов, рубрикаторов и др.), позволяющих в максимально эксплицитном виде структурировать понятийно-концептуальное пространство современной социологии» [11, с. 37–38].

Приведенными выше направлениями понятийно-концептуальное пространство современной социальной семиотики, на наш взгляд, не исчерпывается. Наблюдающийся сегодня в социально-гуманитарном познании семиотический поворот [12] убеждает нас в том, что «семиотика имеет дело не просто с отдельным классом явлений, но с особым измерением существования объектов социально-гуманитарного знания. Подобно тому, как все, к чему прикасается наука, превращается в объект, все, к чему прикасается семиотика, превращается в *знак* и/или последовательность знаков (текст), упорядоченных с помощью системы правил/кодов» [13, с. 10].

Скажем даже больше: тот факт, что «историк, в отличие от естествоиспытателя, не наблюдает события, а работает с *описаниями событий* в текстах источников» [14, с. 236], на наш взгляд, нельзя понимать таким образом, что изучать историческую память можно только на материале текстовых источников. Во всяком случае, в изданном еще в начале прошлого века «Словаре гуманитария» Н. К. Рамзевича спектр источников исторических фактов и обобщающей их науки определялся намного шире: «Источниками собственно **истории** (исторический период) служат мифы, предания, сказания, вещественные и письменные памятники разного рода» [15, с. 95].

Кроме того, из истории белорусской фольклористики известно, что до появления рукописных и печатных текстов все этнографические, культурные, исторические, языковые и прочие сведения о жизни белорусского народа в течение многих столетий передавались из поколения в поколение в многочисленных пословицах, поговорках, загадках, шутках, песнях и прочих жанрах устного народного творчества. Вот что писал по этому поводу

известный белорусский языковед и фольклорист XIX в. И. И. Носович: «Белорусы все факты, все случайности человеческой жизни, все поступки, как хорошие, так и плохие, и различные даже суждения о чем-нибудь подводят под мерку пословиц своих» [16, с. 3].

Многие устные жанры народного творчества (к упомянутым выше можно добавить анекдоты, авторские афоризмы, цитаты, перифразы, крылатые слова и выражения) активно используются для передачи сведений о жизни народов и сегодня, в эпоху, перенасыщенную текстами как печатными, так и электронными. В последние десятилетия вышли сборники антипословиц, антиафоризмов, эпиграмм и подобных фольклорных неологизмов, а также новейших типов мини-дискурсов: от изданий «Пароли. От фрагмента к фрагменту» Жана Бодрийера, «Гарики» Игоря Губермана, «Славянские сутры» Эдуарда Скобелева, «Этика любви, жизни и смерти в афоризмах и стихах» Альберта Елсукова, словаря современной политической культуры «Словарный запас» Льва Рубинштейна до многочисленных культурных, политических, социальных, экономических и прочих мемов.

Многие сборники миниатюрных шедевров о ключевых понятиях современной жизни опубликованы. К примеру, кроме вышеназванных книг, можно упомянуть созданные совместными усилиями немецкого лингвиста Харри Вальтера и российского фразеолога Валерия Мокиенко сборники справочного типа: «Пословицы русского субстандарта» (2001), «Словарь русских антипословиц» (2002), «Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы)» (2004), «Антипословицы русского народа» (2005). Но основной формой существования таких мини-шедевров о ключевых понятиях современной жизни все же является устный, речевой или сетевой дискурс. По мнению российского филолога Н. Н. Федоровой, «активизация употребления трансформированных пословиц объясняется тем, что они выполняют особый “социальный заказ”, “осовременивают” шаблонизированные многолетним (а часто и многовековым) употреблением паремии и отражают актуальные для носителей языка реалии... Особенно частотны в наши дни трансформы, отражающие новые реалии из социально-политической сферы – армия (*Не боевая техника красит воина, а воин – боевую технику*), охрана правопорядка (*Язык до киллера доведет*), медицина (*Лекарства дороже денег*), образование (*Образование дороже денег*), политика и государство (*Делу время – пикету час*), средства массовой информации (*Папарации на выдумку хитра*); из экономической сферы (*Свой бизнес карман не тянет*); из научно-технической сферы – компьютерные технологии (*Хакерство хуже воровства*), космос (*“Мир” от “Челленджера” недалеко падает*); из обиходно-бы-

товой сферы – алкоголь (*Водку пивом не испортишь*), наркомания (*Чем бы наркоман ни тешился, лишь бы кайф не ломал*), секс (*И для старухи найдется порнуха*), досуг (*Рок попсы не слаще; Не так страшен пейнтбол, как его малюют*)» [17, с. 14].

На наш взгляд, отмеченный выше «когнитивный взрыв», обусловивший появление в самых разных научных дисциплинах и различных общественных сферах многочисленных мини-шедевров о ключевых понятиях этих дисциплин и общественных сфер, является своего рода ответной реакцией на захлестнувший нас постоянно растущий поток информации, который невозможно переработать в реальном времени и который выступает в качестве серьезного препятствия на пути решения жизненных проблем. И постепенно именно такие мини-шедевры о ключевых понятиях нашей жизни становятся основными носителями культурной информации или культурными генами, обеспечивающими передачу духовного наследия следующим поколениям. Как справедливо заметил в своей книге «Эгоистичный ген» (1976) британский биолог Ричард Докинз, «передача культурного наследия аналогична генетической передаче: будучи в своей основе консервативной, она может породить некую форму эволюции» [18, с. 291].

Он же придумал и название для такого культурного гена: «Нам необходимо имя для нового репликатора, существительное, которое отражало бы идею о единице передачи культурного наследия... От подходящего греческого корня получается слово “мимема”, но мне хочется, чтобы слово было односложным, как и “ген”. Я надеюсь, что мои получившие классическое образование друзья простят мне, если я сокращу слово “мимема” до “мем”. <...> Примерами мемов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [18, с. 295].

В работах других исследователей можно встретить и другие обозначения и определения мемов. К примеру, в книге Ричарда Броди «Virus of the Mind. The New Science of the Meme» (2009) уже прямо в названии книги отражено другое название мема («вирус мозга» или «мозговой вирус»), а сам мем получает следующее определение: это «содержащаяся в уме единица информации, которая, влияя на ход определенных событий, способствует возникновению своих копий в других умах» [19, с. 11]. В свою очередь, в статье британского исследователя Г. Пауэлла о мемах они «определяются как базовые единицы культурной эволюции. Но на

что они могут быть похожи? Они обычно являются кусочками информации какого-либо сорта, которые переходят из мозга в мозг благодаря имитации. <...> Другие предполагаемые кандидаты на статус мемов включают цепочки букв, шутки, конспирологические теории и всевозможные интернет-феномены» [20, с. 6–7]. Наконец, в книге С. Блэкмор «The meme machine» (1999) обосновывается тезис о том, что человеческий мозг и его идентичность являются продуктами репликации успешных мемов [21].

Несмотря на многообразие существующих подходов к определению и обозначению мемов, в международной практике в качестве названия науки о мемах закрепился термин «меметика», чему в немалой степени посодействовало соответствующее предложение американского научного журналиста Дугласа Хофштадтера. В частности, из свободной электронной энциклопедии «Википедия» можно узнать о том, что «в январе 1983 года в “Metamagical Themas”, в колонке Дугласа Хофштадтера в журнале “Scientific American”, а также в одноименном сборнике статей было опубликовано предложение назвать дисциплину, изучающую мемы, “меметикой” (по аналогии с генетикой)» [22].

К настоящему времени усилиями исследователей, работающих в рамках меметики, выявлены и описаны десятки различных типов мемов, которые дифференцируются следующим образом:

а) **по сфере своего использования** (в сфере интернета – *интернет-мемы*, к числу которых относятся *фотожабы*, *пародии*, *демотиваторы*, *сообщения-мемы*, *медиа-мемы* и которые «составляют сегодня довольно существенную часть контента новых медиа» [23, с. 31]; в политической сфере – *политические мемы*; в социальной сфере – *социальные мемы*; в экономической сфере – *экономические мемы* и т. д.);

б) **по своей дисциплинарной принадлежности** (к примеру, в области *политологии* ставится задача разработки таких мемов, которые являются «эффективным способом пробить защитный барьер в сознании большого количества людей» [23, с. 31]; напротив, в области *экономической науки* решается задача по выявлению и устранению социально неэффективных решений, которые приобрели свойства экономических мемов: «Однажды принятое

социально неэффективное решение становится устойчивым и определяет деятельность экономических субъектов в течение долгого времени. Экономическая система или ее часть начинает развиваться в таком направлении, которое в итоге ведет общество к кризису и упадку. Экономисты не выработали единую точку зрения по поводу возможности избежать такого развития событий» [24, с. 14]);

в) **по своей позитивной или негативной направленности** (в то время как подавляющее большинство различных типов мемов способствует передаче культурного наследия от поколения к поколению, в основе так называемых *антимемов* лежит «набор определенных тактических приемов, направленных на моделирование ментальных механизмов, изменяющих нравственные убеждения и моральные установки адресата, особенно молодого поколения, и тем самым во многом формирующего для него новую картину мира» [25, с. 9]).

При этом отдельные мемы могут одновременно входить в несколько указанных групп мемов. Например, *политические интернет-мемы* относятся и к интернет-сфере, и к политической сфере, и к сфере СМИ. В свою очередь, *мемы как носители лингвистической информации* изучаются, соответственно, и в рамках лингвистики, и в рамках науковедения [26, с. 29].

Завершая рассмотрение вопросов формирования меметики и определения ее места в современной мировой науке, можно сделать следующие выводы:

1) меметика (как наука об исторических, культурных, политических, социальных, экономических и прочих типах мемов) является в настоящее время новой междисциплинарной наукой, использование методологических и семиотических возможностей которой выступает еще одним фактором в процессах изучения, сохранения и передачи следующим поколениям накопленных научных знаний;

2) меметика, будучи междисциплинарной наукой и одним из направлений социальной семиотики [27, с. 403], способствует установлению более прочных связей последней с другими видами семиотических исследований (биосемиотикой, киберсемиотикой, политической семиотикой, семиотикой культуры, экономической семиотикой и пр.).

Библиографические ссылки

1. Зенкин СН. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки. В: Хальбвакс М. *Социальные рамки памяти*. Зенкин СН, переводчик. Москва: Новое издательство; 2007. с. 7–24.
2. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе. *Логос*. 2017;27(2):95–156.
3. Хархордин О. Предисловие. В: Латур Б. *Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества*. Федорова К, переводчик; Милыева С, редактор. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2013. с. 7–20.
4. Штомпка П. *Визуальная социология. Фотография как метод исследования*. Морозова НВ, переводчик. Москва: Логос; 2007. 168 с.

5. Покровский НЕ. Умение видеть и искусство понимать. В: Штомпка Петр. *Визуальная социология. Фотография как метод исследования*. Морозова НВ, переводчик. Москва: Логос; 2007. с. VII–XVI.
6. Шульга ЕН. Когнитивная герменевтика в системе философского знания. В: Лекторский ВА, редактор. *Когнитивный подход*. Москва: Канон+ РООИ Реабилитация; 2008. с. 323–347.
7. Подвойский ДГ. Интерпретативная социология. В: Кравец СЛ, редактор. *Большая Российская энциклопедия. Том 11*. Москва: Большая Российская энциклопедия; 2008. с. 455.
8. Абельс Х. *Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию*. Головин НА, Козловский ВВ, переводчики. Санкт-Петербург: Алетейя; 2000. 272 с.
9. Гаврилова МВ. Социальная семиотика: опыт систематизации терминологической системы. В: Ильин МВ, составитель. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Выпуск 8*. Москва: ИНИОН РАН; 2018. с. 404–417.
10. Ильин МВ. Политический дискурс как предмет анализа. В: Герасимов ВИ, Ильин МВ, редакторы, составители. *Политическая наука. Политический дискурс. История и современные исследования*. Москва: ИНИОН РАН; 2002. с. 7–19.
11. Щербин ВК. Социологическая концептология: проблемы и перспективы развития. *Социология*. 2011;2:18–42.
12. Демин ИВ, редактор. *Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст. Коллективная монография*. Самара: Самарская гуманитарная академия; 2018. 270 с.
13. Демин ИВ. Введение. Семиотический поворот в науках о культуре. В: Демин ИВ, редактор. *Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст*. Самара: Самарская гуманитарная академия; 2018. с. 5–17.
14. Демин ИВ. Понятие исторического факта в семиотике Ю. М. Лотмана. В: Демин ИВ, редактор. *Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст*. Самара: Самарская гуманитарная академия; 2018. с. 232–243.
15. Рамзевич НК. *Словарь гуманитария*. Журавлев ВК, редактор. Москва: Былина; 1998. 320 с.
16. Носович ИИ. *Сборник белорусских пословиц. Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Том 12*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук; 1874. 232 с.
17. Федорова НН. *Современные трансформации русских пословиц* [автореферат диссертации]. Псков: Псковский государственный педагогический университет имени С. М. Кирова; 2007. 20 с.
18. Докинз Р. *Эгоистичный ген*. Москва: АСТ; 2016. 512 с. Совместное издание с CORPUS.
19. Brodie R. *Virus of the mind. The new science of the meme*. London: Hay House; 2009. XXII, 249 p.
20. Powell G. Memes. In: Brown K, editor. *Encyclopedia of language and linguistics. Volume 8*. 2nd edition. Oxford: Elsevier Ltd.; 2006. p. 6–8.
21. Blackmore S. *The meme machine*. Oxford: Oxford University Press; 1999. 284 p.
22. Меметика. [Интернет] 2019 [процитировано 20 октября 2019 г.]. Доступно по: ru.wikipedia.org/wiki/Меметика.
23. Шомова СА. Политический интернет-мем: сущность, специфика, разновидности. *Бизнес. Общество. Власть*. 2015;22:28–41.
24. Нестеренко А. О чем не сказал Уильям Баумоль: вклад XX столетия в философию экономической деятельности. *Вопросы экономики*. 2001;7:4–17.
25. Молчанова ГТ. Когнитивные подходы к изменениям дискурса нового поколения. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2019;1:9–18.
26. Анисимов ВН. «Паранаучность»: от шутовского колпака до академической шапочки (рецензия на монографию Л. Н. Медведева). *В защиту науки*. 2016;17:25–30.
27. Ильин МВ, Фомин ИВ. Социальная семиотика: комплексное изучение функциональных и смысловых сторон общественных процессов и явлений. В: Ильин МВ, составитель. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Выпуск 8*. Москва: ИНИОН РАН; 2018. с. 399–403.

References

1. Zenkin SN. [Moris Halbwachs and contemporary humanities]. In: Halbwachs M. *Sotsialnye ramki pamyati* [Social memory framework]. Zenkin SN, editor. Moscow: Novoje izdatelstvo; 2007. p. 7–24. Russian.
2. Latour B. Visualization and cognition: drawing things together. *Logos*. 2017;27(2):95–156. Russian.
3. Harhordin O. [Preface]. In: Latour B. *Nauka v deistvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vntri obshchestva* [Science in action: how to follow scientists and engineers through society]. Saint Petersburg: Publishing House of the European University of Saint Petersburg; 2013. p. 7–20. Russian.
4. Sztompka Piotr. *Vizual'naya sotsiologiya. Fotografija kak metod issledovaniya* [Visual sociology. Photography as a research method]. Moscow: Logos; 2007. 168 p. Russian.
5. Pokrovskij NE. [Skill to see and art to understand]. In: Sztompka Piotr. *Vizual'naya sotsiologiya. Fotografija kak metod issledovaniya* [Visual sociology. Photography as a research method]. Moscow: Logos; 2007. p. VII–XVI. Russian.
6. Shul'ga EN. [The cognitive hermeneutics in the system of philosophical knowledge]. In: Lektorskiy VA, editor. *Kognitivnyj podhod* [The cognitive approach]. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya; 2008. p. 323–347. Russian.
7. Podvojskiy DG. [The interpretative sociology]. In: Kravets SL, editor. *Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya. Tom 11* [The Great Russian Encyclopedia. Volume 11]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; 2008. p. 455. Russian.
8. Abels H. *Interaktsiya, identichnost', prezentatsiya. Vvedenie v interpretativnuyu sotsiologiyu* [Interaction, identity, presentation. Introduction to interpretative sociology]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2000. 272 p. Russian.
9. Gavrilova MV. [The Social Semiotics: Experience of systematization of the terminological system]. In: Il'in MV, editor. *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin. Vypusk 8* [THE METHOD: Moscow's year-book of papers from humanities. Issue 8]. Moscow: INION RAS; 2018. p. 404–417. Russian.
10. Il'in MV. [The political discurs as object of analysis]. In: Gerasimov VI, Il'in MV, editors. *Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: istoriya i sovremennye issledovaniya* [The political science. The political discurs: the history and contemporary researches]. Moscow: INION RAS; 2002. p. 7–19. Russian.

11. Shcherbin VK. Sociological conceptology: problems and perspectives of development. *Sotsiologiya*. 2011;2:18–42. Russian.
12. Demin IV, editor. *Semioticheskii povorot v sotsial'no-gumanitarnom poznanii: istoki, predposylki, kul'turnyi kontekst* [The semiotic turn in the social-humanitarian cognition: the sources, preconditions, cultural context]. Samara: Samara Academy of Humanities; 2018. 270 p. Russian.
13. Demin IV. Vvedenie. Semioticheskii povorot v naukakh o kul'ture [Introduction. The Semiotic Turn in the Sciences about the Culture]. In: Demin IV, editor. *Semioticheskii povorot v sotsial'no-gumanitarnom poznanii: istoki, predposylki, kul'turnyi kontekst* [The semiotic turn in the social-humanitarian cognition: the sources, preconditions, cultural context]. Samara: Samara Academy of Humanities; 2018. p. 5–17. Russian.
14. Demin IV. [The concept of historical fact in the semiotics of Yu. M. Lotman]. In: Demin IV, editor. *Semioticheskii povorot v sotsial'no-gumanitarnom poznanii: istoki, predposylki, kul'turnyi kontekst* [The semiotic turn in the social-humanitarian cognition: the sources, preconditions, cultural context]. Samara: Samara Academy of Humanities; 2018. p. 232–243. Russian.
15. Ramzevich NK. *Slovar' gumanitariya* [Dictionary of humanitarian]. Zhuravlev VK, editor. Moscow: Bylina; 1998. 320 p. Russian.
16. Nosovich II. *Sbornik belorusskikh poslovits. Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imperatorskoi Akademii nauk. Tom 12* [Collection of Belarusian proverbs. Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Emperor's Academy of Sciences. Volume 12]. Saint Petersburg: The Emperor's Academy of Sciences; 1874. 232 p. Russian.
17. Fedorova NN. *Sovremennye transformatsii russkikh poslovits* [The contemporary transformations of Russian proverbs] [dissertation abstract]. Pskov: Pskov State Pedagogical University named after S. M. Kirov; 2007. 20 p. Russian.
18. Dawkins R. *Egoistichnyi gen* [The selfish gene]. Moscow: AST; 2016. 512 p. Co-published by the CORPUS. Russian.
19. Brodie R. *Virus of the mind. The new science of the meme*. London: Hay House; 2009. XXII, 249 p.
20. Powell G. Memes. In: Brown K, editor. *Encyclopedia of language and linguistics. Volume 8*. 2nd edition. Oxford: Elsevier Ltd.; 2006. p. 6–8.
21. Blackmore S. *The meme machine*. Oxford: Oxford University Press; 1999. 284 p.
22. Memetika. [Internet] 2019 [cited 2019 October 20]. Available from: ru.wikipedia.org/wiki/Меметика.
23. Shomova SA. The political internet meme: essence, characteristics, types. *Business. Society. Government*. 2015;22: 28–41. Russian.
24. Nesterenko A. [About what not said William Baumol': the contribution to philosophy of economic activity]. *Voprosy ekonomiki*. 2001;7:4–17. Russian.
25. Molchanova GG. Cognitive approaches to new generation worldview. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsia*. 2019;1:9–18. Russian.
26. Anisimov VN. [«Parascience»: from the fool's cap to the academician little cap (review on the monography of L. N. Medvedev)]. *V zashchitu nauki*. 2016;17:25–30. Russian.
27. Il'in MV, Fomin IV. [The social semiotics: the complex study of functional and sense sides of the society's processes and phenomenons]. In: Il'in MV, editor. *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin. Vypusk 8* [THE METHOD: Moscow's year-book of papers from humanities. Issue 8]. Moscow: INION RAS; 2018. p. 399–403. Russian.

Статья поступила в редколлегия 21.10.2019.
Received by editorial board 21.10.2019.